

УДК 821.161.1

Святославский А.В.

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЙ ТЕКСТ В ПОЭЗИИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА РОССИИ-РОДИНЫ

Аннотация. В статье анализируется роль природы Переделкина и атмосферы жизни московских пригородов 1930-50-х гг. как источников формирования образа России у Бориса Пастернака.

Ключевые слова: Переделкино, поселок Литфонда, Борис Пастернак, поэзия, образ Родины, душа местности, образ места.

Важнейшее положение, открытое нам великим филологом-методистом XX века Николаем Павловичем Анциферовым и развитое в его работах, основано на том, что образ местности в культуре не может быть сведен к ее «материальной оболочке», сформированный в сознании и культуре, он во многом виртуален, и даже – метафизичен. Размышляя о ключевом для основанного им направлении положении, Анциферов выдвигает мысль о том, что художник (слова ли, кисти ли...), «впитывая» в свое творчество существующий в реальности и в культуре образ местности, сам продолжает формировать этот образ в сознании людей. Осуществляется своего рода обратная связь в отношениях между «душой местности» (ключевым понятием Анциферовской системы) и художником. Чем талантливее художник и чем больше он одухотворяется душой местности, тем более ощутим его вклад в формирование образа места в массовом сознании, и тем рельефнее прочитываются черты его творчества и его личности в образе местности, каковым тот присутствует в культуре. Анциферов подчеркивает, что без категории личности [1. С. 36] невозможно говорить об образе места вообще, ибо речь идет не о местности как «вещи в себе» – понятие души места обретает смысл лишь постольку, поскольку возникает возможность формирования образа в культуре и, стало быть, возможности восприятия этой души личностью человека. «Кто же лучше всего сможет выразить образ города, как не художник, и, может быть, лучше всего художник слова?» – задает в связи с этим риторический вопрос Анциферов [1. С. 37].

Насколько ощутим вклад той или иной личности в устойчивый образ конкретной местности в данной культуре (или даже в разных культурах) – легко понять на ассоциативном уровне, иначе говоря, из тех устойчивых ассоциаций, которые возникают в сознании при упоминании самого имени данной местности.

Итак, что же за местность «Переделкино»? Исторически название принадлежало небольшой деревеньке Переделки, от которой теперь мало что осталось – рядом прошла нынешняя граница Москвы и Московской области. Со временем название Переделкино в речевом обиходе жителей московского региона охватило довольно обширную территорию, включая бывшие деревни и села Лукино, Измалково, Чоботы, Федосьино, не говоря уже о том, что прилегающий «спальный» район Москвы получил название Ново-Переделкина. Однако, несмотря на богатую историю всей этой обширной местности, в которой находятся и усадьба русского археолога XIX в. М.Л.Бодэ-Колычева (из рода святителя Филиппа Колычева – она занята с 1945 г. резиденцией Патриарха Московского и Всея Руси), и храмы Преображения Господня в Лукине, Благовещения в Федосьине (плюс новые строящиеся храмы), и святой источник, и речка Сетунь с притоком Сетунькой, и усадьба Самариных, и некрополь, и дом С.Я.Левенсона – постройка знаменитого зодчего Ф.И.Шехтеля, и многое другое, – все-таки всемирную славу принес Переделкину поселок литераторов. Сегодня Переделкино – это, прежде всего, писательские дачи. Но и этого мало. Пожалуй, главное в Переделкине для массового представления о месте сегодня – это образ Бориса Пастернака. С 1935 г. он поселился здесь (на современной улице Тренёва), в только что организованном поселке Литфонда. А в 1939 г. переехал в тот самый общеизвестный теперь дом на улице Павленко, 3 (дача оказалась свободной после кончины в 1938 г. занимавшего ее писателя Александра Малышкина). Казалось бы, такое обширное созвездие имен русской литературы XX века оставило след в поселке Литфонда (здесь жили и Федин, и Фадеев, и Паустовский, и Вс.Иванов и ... всех не перечить), – но в первую очередь Переделкино в среде читателей многих стран ассоциируется именно с образом Бориса Пастернака. Только ли потому, что здесь его Дом-музей? Но ведь неподалеку открыты музеи также горячо любимых многими Корнея Чуковского, Булата Окуджавы, Евгения Евтушенко... Только ли потому, что Пастернак был удостоен Нобелевского лауреатства и благодаря огромному таланту поэта и прозаика стал широко известен во всем мире? Думается, что все-таки и этого мало. Главное – потому, что сам Пастернак неотделим от «души» Переделкина, и значительная часть его творчества – это не просто «переделкинский» период в биографии, но это бесконечные переделкинские образы, столь милые сердцу писателя, – источник его постоянного вдохновения.

И более того, важнейшей особенностью формирования «переделкинского текста» Пастернака является то, что взор поэта, устремляемый на внешний, условно говоря, мир, проходит через призму Переделкинского «микромира». При этом нельзя не упомянуть, что в силу особенностей своей личной и творческой биографии, весьма не простой, в конечном счете – трагической, – Пастернак, в отличие от многих соседей по литературному поселку, оказался значительно менее зависим от жизни самого поселка. Эта жизнь, увы, была наполнена и сплетнями, и завистью, и

наушничеством, и всяким недоброжелательством в среде советских «инженеров человеческих душ» эпохи 1930-50-х гг. – всем тем, что позволило близко знавшему Пастернака писателю и священнику Михаилу Ардову образно сравнить этот быт литературной элиты с обитанием тараканов в стеклянной банке. А Пастернак, поддерживая связи с некоторыми соседями (в первую очередь, с семьями Вс.Иванова и К.И.Чуковского), и здесь оставался, по известному сталинскому определению, «небожителем», в роли «сам по себе» – даже в таких критических ситуациях 1930-х гг., как подписание жителями поселка «расстрельных» писем на собратьев по перу – кругом подписывали, а он нет!

Итак, с чего же начинается пастернаковское Переделкино? Это, прежде всего, природа, которую он, писатель, традиционно вроде бы не причисляемый к классическим «природоведам» советской литературы (Пришвин, Бианки, Соколов-Микитов) – тем не менее, ощущал здесь предельно остро. Долина Сетуньки, так называемая «Неясная поляна», старый парк Самаринской усадьбы, пруды, купола Преображенского храма вдалеке – все это стало источником вдохновения. «О чем бы ни говорил Пастернак – о своем личном, притом сугубо человеческом, о женщине, о здании, о происшествии, – это всегда – природа, возвращение вещей в ее лоно», – писала о своем собрате по перу Марина Цветаева [5. Т. 2. С. 444].

Гениальность Пастернака и его острое чувство природы и обыденности, возводимой им до высот поэтического вдохновения, позволили ему сделать то, что когда-то сделал А.К.Саврасов в живописи. Сделал, создав главный шедевр, ставший знаковым среди многочисленных живописных образов Родины, – картину «Грачи прилетели». Сделал на таком, казалось бы, неброском, обыденном «материале»: грязный снег, облупленная колокольня и крыши изб, деревья без листвы... Но все это одухотворено любовью художника и наполнено светом ранней весны, обещающей пробуждение природы.

Пастернак совершает то же самое в литературе. Совсем в «саврасовских» тонах описана ранняя весна в стихотворении «Март» [3. Т. IV. С. 516]:

Солнце греет до седьмого пота,
И бушует, одурев, овраг.
Как у дюжей скотницы работа,
Дело у весны кипит в руках.
Чахнет снег и болен малокровьем
В веточках бессильно синих жил.
Но дымится жизнь в хлеву коровьем,
И здоровьем пышут зубья вил.
Эти ночи, эти дни и ночи!
Дробь капелей к середине дня,
Кровельных сосулк худосочье,

Ручейков бессонных болтовня!
Настежь все конюшня и коровник.
Голуби в снегу клюют овес,
И всего живитель и виновник,
Пахнет свежим воздухом навоз.

И пот, и коровник, и навоз, и хлев, и ...– в общем, ничего особенного, все такое бытовое и приземленное, но само стихотворение звучит как захватывающий гимн весне. Микромир Переделкина становится у Пастернака отражением всего мира русской природы, русского характера, русской культуры, наконец... Его мир природы без гор, морей и водопадов пробуждает острое чувство Родины в душе читателя. Из самой, кажется, скучной, незаметной, недостойной пера художника обыденности, Пастернак творит шедевр.

Возьмем одно из хорошо известных стихотворений Пастернака «Опять весна» [3. Т. II. С. 116]. Лирический герой возвращается поздно ночью домой и, сойдя с последней электрички, в полной темноте пытается нащупать тропинку, ведущую в сторону дома...

Поезд ушел. Насыпь черна.
Где я дорогу впотьмах раздобуду?
Неузнаваемая сторона,
Хоть я и сутки только отсюда.
Замер на шпалах лязг чугуна /.../

Пастернак, в отличие от большинства обитателей элитного писательского городка, не пользовался машиной для поездок в Москву и обратно. Путь лирического героя с пригородного поезда в темноте – не экзотика, причуда ради поэзии, – а повседневность Пастернака. Станция «Переделкино» в 1930–40-х гг. – это маленький полустанок, где останавливались даже далеко не все поезда, это грязная насыпь, это тропинка, ведущая вначале вдоль путей, а затем уводящая во тьму к кладбищу – вот обычный путь лауреата Нобелевской премии по литературе. И вдруг из этой безнадежной вроде бы атмосферы рождается нечто. Сначала звук. Потом пробудившийся ручей. Потом Чудо – образ Весны [3. Т. II. С. 116]:

Вдруг что за новая, право, причуда?
Бестолочь, кумушек пересуды.
Что их попутал за сатана?
Где я обрывки этих речей
Слышал уж как-то порой прошлогодней?
Ах, это сызнава, верно, сегодня
Вышел из рощи ночью ручей.
Это, как в прежние времена,
Сдвинула льдины и вздулась запруда.

Это поистине новое чудо,
Это, как прежде, снова весна /.../

Так «почти из ничего» рождается и очередное чудо лирики Пастернака. Но Россия – это не только природа. Это люди. На наш взгляд, одним из наиболее существенных для формирования образа России-Родины во всей русской литературе стихотворений (да простит читатель такую категоричность) стало стихотворение Пастернака «На ранних поездах» [3. Т. II. С. 115]. Название его затем обозначило целый пастернаковский стихотворный цикл (а вначале прозвучало в названии книжки стихов, вышедшей потом в военном 1944 году). Фабула стихотворения предельно проста – писатель на ранней шестичасовой электричке отправляется из своего Переделкина в Москву и пишет о чувствах, возникающих в пути.

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.
Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною темью
Свои скрипучие шаги /.../

Стихотворение, написанное в 1941 году, на пороге войны, оказалось существенным явлением в следующем аспекте: оно отражает чувство органического единства лирического героя (за которым во всей полноте стоит живой Пастернак) и его народа, представленного таким, казалось бы, простым, негероическим вагонным людом, народа, которому скоро предстояло совершить подвиг и победить. Я категорически не согласен с мыслями о некоей неестественной нарочитости в этом единении московского интеллигента старой закваски из «рафинированной» художественно-музыкальной семьи и – простого люда, едущего из рабочих пригородов в ранней электричке («... здесь были бабы, слобожане, учащиеся, слесаря»). В том-то и гениальность Пастернака как глубоко русского, народного писателя: он, городской интеллигент, действительно оказался органически связан со своим народом в самом полном смысле этого слова, потому что ощущал душу этого народа и душу той земли, которая произвела этот народ. «Я весь мир заставил плакать / Над красой земли моей...» – эта выстраданная строчка из стихотворения «Нобелевская премия» 1959 года [3. Т. II. С. 195] прозвучала на исходе земной жизни поэта без малейшей натяжки. Именно органическая связь с народом и острое чувство Родины позволили ему позднее создать роман «Доктор Живаго» – как широкую и полнокровную эпопею всеобщей русской жизни. В связи со спорами на эту тему уместно вспомнить знаменитые статьи В.Г.Белинского о Пушкине, где великий критик рассуждает о народности «национально-русской» поэмы «Евгений Онегин» [2. Т. III. С. 499], написанной столичным дворянином Пушкиным, но ставшей энциклопедией всей русской жизни.

В стихотворении «На ранних поездах» [3. Т. II. С. 115] мы отмечаем еще одну важнейшую черту: роль «переделкинского текста» в художественном сотворении действительности Пастернаком, в создании образа Родины. В полутемных прокуренных вагонах и тамбурах утренней электрички, заполненной бедно одетой разношерстной публикой, и едет та самая великая Россия:

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.
Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.
В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа /.../

Уже не раз отмечалось, сколь зримо проступают черты родного Переделкина, даже конкретные картины, открывавшиеся из комнаты Бориса Леонидовича, со второго этажа переделкинской дачи, – в столь знаковом для творчества поэта стихотворении, как знаменитая «Рождественская звезда» [3. Т. IV С. 537] из цикла стихотворений, «подаренных» Пастернаком своему герою Юрию Живаго:

Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе,
И небо над кладбищем, полное звезд /.../

То самое кладбище, где суждено будет упокоиться самому автору. «Август», «Осень», «Бабье лето», «Летний день», «Иней» – все эти и многие другие стихотворения, составившие золотой фонд поэзии о Родине-России не просто написаны Пастернаком в Переделкине, они и есть частицы той самой «души места», о которой писал Н.П.Анциферов.

Как известно, позорным пятном на Московскую писательскую организацию легло требование о высылке Пастернака за границу, озвученное в обращении к Президиуму Верховного Совета 31 октября 1958 года. В ответ Б.Л.Пастернаком были написаны открытые письма Н.С.Хрущеву и в «Правду», естественно, подвергшиеся сильной цензурной правке со стороны идеологов ЦК. В связи с этим эпизодом сын писателя Евгений Борисович Пастернак вспоминал, что сохранились черновики этих писем с собственными правками Б.Л.Пастернака, где он «вместо предложенных

ему слов “Я являюсь гражданином своей страны” /.../ просил сделать, если можно: “Я связан с Россией, и жизнь вне ее для меня невыносима”» [4. С. 707].

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Анциферов Н.* Душа Петербурга / Гравюры А.П.Остроумовой-Лебедевой. Л.: Лира, 1990.

[2] *Белинский В.Г.* Собр. соч. В 3-х тт. – М.: ГИХЛ, 1948.

[3] *Пастернак Борис.* Полн. соб. соч. с прил. В 11-ти тт. – М.: Слово/Slovo, 2004.

[4] *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Биография. – М.: Цитадель, 1997.

[5] *Цветаева М.И.* Соч. В 2-х тт. – М.: Художественная литература, 1980.

© Святославский А.В., 2014.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2014 г.

Святославский Алексей Владимирович,

доктор культурологии,

доцент филологического факультета,

Московский педагогический государственный университет (Москва),

e-mail: ale1906@yandex.ru

UDC 821.161.1

Svyatoslavsky A.

THE PEREDELKINO “TEXT” IN BORIS PASTERNAK’S POETRY AND ITS ROLE IN CREATING THE RUSSIA-MOTHERLAND IMAGE

Abstract. Role of the writers’ suburb estate “Peredelkino”, its nature and the atmosphere of the Moscow suburbs everyday life of 1930-50s in creating the image of Russia by Boris Pasternak.

Key words: Boris Pasternak, Peredelkino, Russian poetry of 1930-50s, local images in poetry, genius loci.

Svyatoslavsky Aleksei Vladimirovich,

Dr. in Cult.,

Associate Professor, Moscow State Pedagogical University (Moscow),

e-mail: ale1906@yandex.ru